

II

Физическое, юридическое, значительное лицо в гетеротопии власти (*Шинель* Гоголя в свете теорий Мишеля Фуко)

Артем Марченков, Карла Соливетти

Университет Рома Тре

Рим, Италия

Любой художественный текст обладает свойством фиксации фоновых социальных практик и в силу этого уникален в качестве исторического документа, источника, свидетельства. Повесть *Шинель* в этом смысле была многократно «допрошена»: по ней реконструировали образ власти в массовом сознании эпохи, ее воспринимали как жесткую сатиру на общественные нравы и бюрократические порядки времен правления Николая I, из нее выводили пафос сопротивления «маленького человека» («социального мученика»; Вайскопф 2002: 413) бесчеловечным государственным институтам.

Перепрочтение этой гоголевской повести под углом зрения фуколтианской философии позволяет подвергнуть сомнению классическую, хрестоматийную интерпретацию произведения, в которой главный герой предстает безропотной жертвой деформирующей, унифицирующей, подавляющей личностное начало среды. В *Шинели* тончайшие авторские наблюдения за «микрофизикой власти» (за тем, как отношения доминирования складываются из рутинных, обыденных взаимодействий) в конечном итоге создают метафорическую картину «метафизики власти» (гоголевское видение предельных оснований феномена господства и подчинения). Реконструируя габитус (систему прочных приобретенных, инкорпорированных предрасположенностей мысли и поведения) мелкого чиновника в российском обществе начала XIX в., мы поневоле выходим на более общую проблематику соотношения юридического и физического лица, бюрократической корпорации и «коллективного тела», которым она управляет.

Понятие гетеротопии, на наш взгляд, могло бы стать точкой входа в указанную проблематику. Известно, что Мишель Фуко (в тексте «Другие пространства» 1967 г.) избегал конкретизации того, что из себя представляет гетеротопия¹. Вместо определения он указывал на ключевые характеристики: гетеротопия – это «местоположения, являющиеся как бы пространствами, находящимися в связи со всеми остальными и, однако же, противоречащими всем остальным местоположениям» (Фуко 2006: 195), «это местоположения, поддерживающие с реальным пространством общества обобщенные отношения прямой или обратной аналогии» (Фуко 2006: 195). Примерами гетеротопий он называет кладбища, психиатрические клиники, тюрьмы, музеи, казармы и др.

В отличие от утопий как пространств воображаемых (место, которого нет), гетеротопии – это пространства реальные. В них происходят разрывы, проблематизация, переворачивание обыденных норм. С антропологической точки зрения, гетеротопия – это место, попадая в которое человек становится иным. Иначе говоря, это выделенные из общего пространства зоны изменения социального статуса, трансгрессии, производства инаковости.

В повести Гоголя гетеротопией является мир казенных государственных учреждений (департаменты, присутственные места, канцелярии), а в расширительном смысле – город Санкт-Петербург (как центр имперской власти он связан со всей страной, но противопоставлен ей именно как вместилище высшей административной иерархии). Бюрократический порядок вбирает в себя пространство страны, оставаясь по отношению к нему некоей внешней, мистически переживаемой инстанцией. Именно поэтому автор пишет: «Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякой частный человек считает в лице своем оскорбленным всё общество» (Гоголь 1938: 141)². Таким образом, авторский нарратив о неназванном Департаменте настраивает читателя на предельное обобщение. *Шинель* оказывается притчей обо всем чиновном сословии³.

Благодаря оптике теорий Фуко расхожая трактовка образа Акакия Акакиевича Башмачкина как жертвы Власти и сословного общества представляется спорной. Гоголь показывает своего героя рожденным в чиновничьей семье: мать – «чиновница и очень хорошая женщина» (142), кум – столоначальник в Сенате, кума – жена квартального офицера. Окружающие Акакия Акакиевича «уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» (143). То есть он – плоть от плоти той системы власти, что воплощена в государственных учреждениях. Его тело с рождения инкорпорировано в функционирование

¹ О причинах этой преднамеренной неопределенности см.: Харламов 2010: 189–197.

² Далее в скобках указываются только страницы повести Гоголя по этому изданию.

³ Другой отсылкой, провоцирующей обобщение, является комическое упоминание в зачине повести некоего капитана-исправника, уверовавшего в гибель государственных учреждений из-за произнесения его имени всуе.

властных структур. Более того, ему на роду предписана даже позиция, которую он в этих структурах займет: «Ребенка окрестили; при чем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник» (142).

Гоголь заостряет внимание на том, что социальное (формально-юридическое) и физическое тело Башмачкина – результат своего рода селекции длиной в несколько поколений («И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины» [142]), производное дисциплинарных практик, цель которых – максимальная деперсонализация, деиндивидуализация человека и превращение его в «послушное тело»⁴. Башмачкин обладает мизерабельной внешностью («низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на-вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморoidalным» [141]). Он стремится быть незаметным и занимать как можно меньше места в публичном пространстве. Он живет аскетической жизнью и лишен интереса ко всему, что не связано с его должностными обязанностями («Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало» [145]). Текст повести не дает нам представления о том, каким образом, при помощи каких дисциплинарных институтов, удалось добиться тотального послушания, полного подчинения телесности Башмачкина его служебной роли⁵. Его инстинкты начинают просыпаться по мере приближения к вождельной шинели, что едва не приводит к ошибке в переписывании.

Несмотря на отсутствие карьеры, издевательства со стороны сослуживцев и пренебрежение («холодно-деспотическое отношение») со стороны начальства, Акакий Акакиевич не просто дорожит должностью, а служит ревностно, с любовью («Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности» [144]). Степень самоотожествления с ролью «чиновника для письма» столь высока, что, даже покидая рабочее место, уединяясь в доме, Акакий Акакиевич до изнеможения продолжает делать копии бумаг, выбирая для переписывания документы, адресованные какому-нибудь новому или важному лицу. При этом в Башмачкине трудно заподозрить тайного честолюбца, представляющего себя на месте этих самых важных лиц⁶. Акт письма для него – это подтверждение статуса, свидетельство принадлежности к

⁴ «Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается “политическая анатомия”, являющаяся одновременно “механикой власти”. Она определяет, как можно подчинить себе тела других, с тем чтобы заставить их не только делать что-то определенное, но действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью. Так дисциплина производит подчиненные и упражняемые тела, “послушные” тела» (Фуко 1999: 200).

⁵ В первоначальных набросках к повести Гоголь называл Башмачкина «очень добрым животным» (Вайскопф 2002: 415), однако впоследствии он усложнил образ.

⁶ Представляя Башмачкина читателям, Гоголь отзывается о нем как о «вечном титулярном советнике» (141). Дело в том, что, согласно указу правительства 1809 г., титулярные советники могли производиться в следующий служебный чин коллежского ассессора (VIII класс) только после окончания университета или сдачи соответствующих квалификационных экзаменов. Чин коллежского ассессора давал право на получение потомственного дворянства. Крайне редко люди незнатного происхождения пересекали эту сословную границу. Сам Гоголь, кстати, дослужился именно до чина VIII класса.

бюрократической корпорации⁷, символический жест, имеющий исключительно интимное значение. Предметом восхищения служит не изящество слога и не содержание бумаги, а сам факт апроприации значимого (документа). Государева служба для Акакия Акакиевича сродни богослужению («Написавшись в-сласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра» [146]), что предполагает самозабвение, элиминацию всего личного, эгоистического, авторского⁸. Метафорически Акакий Акакиевич уподоблен монахам, для которых переписывание священных книг является одним из самых важных положений монастырского устава⁹. Единственное, что остается после его смерти – «пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги <...>» (168).

Символом полного поглощения личности Башмачкина дискурсивными практиками власти (под последними, как известно, Фуко понимал как устную речь и письмо, так и «тезаурус исторического бессознательного», то есть анонимные, закрепленные в неформальных социальных конвенциях, правила порождения высказывания) является его запинаящаяся устная речь, состоящая большей частью из предлогов, наречий и частиц, которые он не в состоянии самостоятельно собрать в законченную фразу¹⁰. Тотальное подчинение не вызывает у него никакого внутреннего сопротивления. В момент переписывания его тело мимически и кинетически сливалось с документом: он «был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» (144). Смятение и бессознательный протест у Башмачкина вызывает вовсе не необходимость подчиняться, а предложение выйти за рамки своей прямой функции, сделанное ему директором в награду за долгую службу. Простейшая операция с заменой заглавного титула и переменной глаголов из первого лица в третье приводит его в полное изнеможение. Ведь ее осуществление означало бы кощунственное посягательство на прерогативу творца¹¹.

⁷ О бюрократическом квиетизме (византизации и оцерковлении государственных структур во время правления Николая I) см.: Вайскопф 2002: 265–270.

⁸ О синонимичности (вплоть до полного отождествления) понятий Бога и государя в массовом сознании см.: Лукин 2000: 30.

⁹ «Аллюзия на житие св. Акакия, обнаруженная в Ш<инели> Дриссеном, имеет далеко идущий смысл применительно ко всей вообще теме служилого подвижника. Напомню, что покорность св. Акакия простиралась до того, что он после смерти встал из гроба, дабы услужить жестокому старцу, своему повелителю. Агиографический пафос идеально совпадал в николаевской России с казенным апофеозом беззаветного послушания и истовой, “сусанинской” готовности пожертвовать собой ради любого вышестоящего лица, не говоря уже о государе» (Вайскопф 2002: 417).

¹⁰ У Фуко часто встречается наблюдение о том, что акт письма синонимичен смерти: «<...> отношение письма к смерти обнаруживает себя также и в стирании индивидуальных характеристик пишущего субъекта» (Фуко 1996: 14).

¹¹ «Копирование превращается в ритуальное действие и, подобно ему, позволяет предаться страстному самозабвению, скрибентистскому гедонизму, отказу от самого себя во имя сакрального и во имя прекрасного. В своем каллиграфическом служении документам, представляющим символический порядок и ниспосылаемым начальником департамента, а в конечном счете – Богом, Акакий Акакиевич доказывает свою веру в знаки еще и своей полной неспособностью к заменам и модификациям предписанного. Подобно староверу, он настаивает на извечной данности буквы» (Лахмани 2009: 153).

Обладая доведенным до предела умением подчиняться, Акакий Акакиевич фатальным образом лишен способности подчинять (что отражено в удвоении имени: Акакий с греческого – кроткий, смиренный)¹². Даже те, кто находится на более низких ступенях административной иерархии, кто по службе обязан выказывать ему знаки почтения, относятся к нему пренебрежительно: «Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха» (143). Доходило до того, что помощники столоначальника, в обход служебной субординации, подсовывали Акакию Акакиевичу бумаги с требованием переписать их, а тот безропотно выполнял поручения, «не глядя кто ему подложил и имел ли на то право» (143). Внутри служебного пространства для него априори не может быть бумаг, не освященных причастностью к сакрализованной власти.

Износ старой шинели – метафора угрозы утраты положения из-за служебного несоответствия, из-за нарушения неформального «дресс-кода» чиновнической корпорации¹³. Внутри департамента у Башмачкина есть место – стол для переписывания. Во внешнем пространстве маркером должности и чина должна быть униформа, позволяющая окружающим считывать знаки социальных различий. Ранее Акакий Акакиевич не замечал ни своего вицмундира рыжевато-мучного цвета¹⁴, ни лукавых усмешек на улице «его же брата» молодого чиновника. Однако Санкт-Петербург – это бюрократический Паноптикон, в котором геометрия площадей и улиц детерминирована субординацией служащих и учреждений.

Символом непрерывного и вездесущего присутствия Власти-Надзирателя в этом пространстве являются стихии Холода и Ветра. Их воздействию подвержены все жители без исключения. Однако степень воздействия градуирована в соответствии с бюрократической иерархией: если у занимающих высшие должности «болит от морозу лоб, и слезы выступают в глазах», то «бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны» (147).

У Акакия Акакиевича шинель окончательно истерлась, стала как «точная серпанка»: «от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом» (147). И оттого «Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что

¹² Мотив покорности, смирения и даже униженности усилен также и фамилией персонажа: Башмачкин – т. е. находящийся под башмаком. В начале XIX в. «башмаками» называли только женскую обувь.

¹³ Речь идет о нарушении именно неписанных, неформальных правил. До издания документа «Описание формы одежды чинам гражданского ведомства и правила о ношении сей формы» в 1856 г. верхняя одежда гражданских чиновников не регламентировалась. «Высочайше утвержденное положение о гражданских мундирах», изданное при императоре Николае I, в качестве форменной одежды регламентировало только мундиры (для торжественных случаев) и вицмундиры (для повседневного ношения).

¹⁴ Согласно «Высочайше утвержденному положению о гражданских мундирах», чиновник IX класса был обязан носить вицмундир темно-зеленого цвета с шитым кантом на воротнике и обшлагах. Цвет мундирного прибора (воротника, обшлага, выпушки) должен был указывать на ведомственную принадлежность. Вицмундир рыжевато-мучного цвета Башмачкина, а также «узенькой, низенькой» воротничок лишний раз подчеркивали усредненность, типичность облика этого персонажа и то, что он олицетворял собой целый класс служащих подобного рода.

его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то, что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал, наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели» (147). Взгляд Фуко непременно бы зацепился за красноречивую оговорку о «законном пространстве». Согласно анализу, изложенному в работах «Надзирать и наказывать», «Воля к знанию» и «Забота о себе», юридизация повседневной жизни была доминирующей дисциплинарной практикой новоевропейской государственности. Примечательно, что, как только «грех» старой шинели был искуплен пошивом новой, Акакий Акакиевич пересекает «законное пространство» уже не бегом: «Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте» (157). Одевая шинель, достойную статуса титулярного советника, Башмачкин ликвидирует зазор между бюрократическим и повседневным, между формально-писанным и фактическим порядком социального бытия, между собой как физическим и как юридическим лицом.

Обратим внимание, что качества новой шинели проверяются портным Петровичем отнюдь не при примерке, а на улице. Именно там, в пространстве «большого департамента», нужно убедиться, что шинель годна, то есть производит должный, рассчитанный эффект¹⁵. Поэтому Петрович выходит вслед за Акакием Акакиевичем, смотрит на него издали, отбегает в сторону, «чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо» (157). В новой шинели Акакий Акакиевич соответствует своему местоположению и перестает выделяться в толпе прохожих. Теперь он может пересечь город не торопясь. К нему изменяется отношение коллег (Башмачкина приглашают на домашний праздник к помощнику столоначальника).

Таким образом, Гоголь указывает на то, что фасон, покрой, детали шинели как верхней одежды выполняют ту же социальную роль, что и вицмундир. В «Табели о рангах» не оговаривается, как должны быть эксплицированы различия классов. Однако в реальной жизни каждый мог без труда опознать статус, степень влиятельности, объем и качество социальных связей любого встречного.

Итак, для гоголевской микрофизики власти (Фуко под этим понятием подразумевает не какие-либо институции или доминирующие социальные группы, а процесс и правила порождения власти в рамках ситуативного взаимодействия¹⁶)

¹⁵ На самого Петровича новая шинель производит это должное впечатление: когда он появился с готовой шинелью, «в лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видывал» (156).

¹⁶ «Исследование микрофизики власти предполагает, что отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия, что воздействия господства приписываются не “присвоению”, а механизмам, маневрам, тактикам, техникам, действиям. Что надо видеть в ней сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать. Что следует считать ее моделью скорее вечное сражение, нежели договор о правах и имуществе или завоевание территории. Словом, эта власть скорее отправляется, нежели принадлежит; она не “привилегия”, приобретенная или сохраняемая господствующим классом, а совокупное воздействие его стратегических позиций – воздействие, которое обнаруживается и иногда расширяется благодаря положению тех, над кем господствуют» (Фуко 1999: 204).

определяющими являются телесные проявления (низкий статус Акакия Акакиевича отражен в редукции тела, подавленности инстинктов и желаний), формы публичного речевого и жестового поведения, одежда, семиотизированная знаками иерархических различий, а также местоположение персонажа в разлинованном отношении власти бюрократическом и общегородском пространстве (Акакию Акакиевичу отведен стол в канцелярии, он живет на окраине, в не самой лучшей части города). Для определения реальной социальной значимости человека эти черты существеннее, нежели владение информацией о должности и чине.

Подобно Фуко, Гоголь особо внимателен в наблюдениях за тем, каким образом – при помощи каких дискурсивных и дисциплинарных практик – создается впечатление «значительного лица». Он, словно разделяя фуколтианский подход к анализу феномена власти, указывает на релевантность социального авторитета, на его отрыв от объективно существующих бюрократических институций:

Какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное (164).

Приведенная цитата свидетельствует о том, что принцип ранжирования людей в *Шинели* отталкивается от характера взаимодействия (проситель – покровитель) и габитусных характеристик участников взаимодействия. Когда у Башмачкина украли шинель, он тщетно искал помощи и защиты у будочника (самое низшее должностное лицо в структуре городской полиции). Его, титулярного советника и, следовательно, обладателя чина IX класса – писаря, в прихожей не пускали на прием к частному (квартильному) надзирателю, который согласно «Табели о рангах» стоял на одну ступеньку ниже, поскольку в столицах частные приставы относились к X классу (в провинции – к XI классу).

Из этого следует вывод, что реальный объем прав личности в николаевской России определялся не прескриптивными нормами закона или подзаконных актов, а трудно верифицируемыми, но куда более могущественными, неформальными правилами.

Акакий Акакиевич в старой, заплатанной шинели даже у сторожей и писарей не вызывал впечатление посетителя, к которому следует отнестись с уважением и пропустить к начальству. Они безошибочно считывали информацию о том, что у такого визитера отсутствуют властность и право настоять на своем. Не найдя сочувствия и правосудия, Башмачкин решает обратиться к «значительному лицу», хотя происшествие с шинелью явно находилось вне служебной компетенции последнего. Чтобы заставить действовать полицейские службы, Акакий Акакиевич рассчитывает заручиться покровительством такого начальника, который обладает реальной значительностью, который «спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее

итти дело» (163). Власть в художественном пространстве *Шинели*, как и в текстах Фуко, наделена свойствами дисперсности, непроницаемости, анонимности присутствия. Однако ее источник – не бюрократическая иерархия или кодифицированная «Табель о рангах». Происхождение и сила власти мистичны. Земная власть легитимизируется потому, что она имитирует власть небесную.

Впрочем, впечатление причастности к этой мистической силе генерируется вполне земными средствами. И Гоголь их перечисляет, повествуя о том, каким образом «значительное лицо» увеличивало свою значительность. Первым делом оно увеличивает дистанцию между собой и другими людьми, «чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь – титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него» (164). Эта дистанция визуализирована ритуалами приветствия подчиненных (низшие чины встречают значительное лицо на лестнице при входе в департамент) и временем ожидания приема посетителей.

На поддержание дистанции, помимо этикета (форм и манеры обращения, подчеркивающих превосходство), также работают «приемы и обычаи», которые специально репетируются и оттачиваются всеми обладателями власти. «Значительное лицо», даже будучи признанным в своей значительности, продолжает культивировать властные качества, добываясь особой строгости в голосе («“Строгость, строгость и – строгость”, – говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил» [164]), пристальности взгляда, статуарности тела и величественной замедленности жестовых движений. Он чувствует обязанность вести себя так, не только находясь на службе, но и где бы то ни было на публике. Его значительность явно выходит за рамки формально-юридического статуса (чина и должности).

Борьба за власть – навязчивая идея бюрократической гетеротопии. Она происходит даже тогда, когда в коммуникацию вступают люди, лишённые прямых прагматических оснований для разыгрывания спектакля господства и подчинения¹⁷. Распекание Акакия Акакиевича «значительным лицом» устраивается ради демонстрации власти случайно оказавшемуся свидетелю – «старинному знакомому и товарищу детства». Генерал доказал высоту своего положения, доведя посетителя до полубморочного состояния.

¹⁷ Противоречие между формально-юридическим статусом лица и его реальной властью, последовательно показываемое Гоголем, совпадает с тезисами Фуко о том, что власть в дисциплинарном обществе исходит отовсюду, а не является привилегией: «Принцип власти заключается не столько в человеке, сколько в определенном, продуманном распределении тел, поверхностей, света и взглядов; в расстановке, внутренние механизмы которой производят отношение, вовлекающее индивидов. Церемонии, ритуалы, знаки, посредством которых суверен проявлял “избыток власти”, теперь бесполезны. Действуют механизмы, поддерживающие асимметрию, дисбаланс, различие. Следовательно, не имеет значения, кто отправляет власть. Любой индивид, выбранный почти наугад, может запустить машину: в отсутствие начальника – члены его семьи, его друзья, посетители и даже слуги» (Фуко 1999: 294–295).

Нюансированно описывая фоновые практики производства власти, Гоголь, несомненно, задавался вопросом об их предельном, метафизическом основании. Таковым у него оказывается способность внушать беспричинный страх. Именно в нем состоит секрет власти.

Государственная служба то место, где искусство вызывания страха и управления им доводится до совершенства. Высшая власть – та, что порождает даже не страх, а ужас, то есть мистический, беспричинный, нуминозно переживаемый страх. Генерал, распекая Акакия Акакиевича и видя, что тот «так и обмер, пошатнувся, затрясся всем телом и никак не мог стоять» (167), был крайне доволен тем, что эффект превзошел ожидание, что его слово может лишить человека чувств. Особое удовольствие ему доставил тот факт, что и «приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх» (167).

Раскрывая метафизику власти, показывая страх как социально-психологический субстрат государственного устройства России, Гоголь через образ Акакия Акакиевича показывает своего рода антропологию государственной службы.

Роковой бедой несчастного Башмачкина было то, что он, заслуживающий своим служебным рвением чина статского советника, был начисто лишен дара внушать страх. Только пережитая им трагедия произвела радикальную метаморфозу. Умерев, Акакий Акакиевич, «как бы в награду за непримеченную никем жизнь», получает мистическую способность, которой был обделен при жизни. Мертвец, Иной, Призрак вправе сдергивать шинели «со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы, словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной» (169). Незаметный Башмачкин после смерти становится настолько значительным, что его узнают даже издали: «Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему однакоже такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем» (169–170).

Владея даром внушения страха, Акакий Акакиевич многократно расширяет свою власть в социальном и географическом пространстве: его видят за границами городской черты, будочники начали опасаться хватать прохожих, «значительное лицо» чуть не умер после столкновения с духом Акакия Акакиевича и перестал говорить подчиненным «как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами» (173). Страх, усиленный сплетнями, приводит к тому, что изменяется даже восприятие физического облика Башмачкина. Привидение, с точки зрения окружающих, было совершенно не похоже на покойного: оно было «гораздо выше ростом» (169), имело невероятных размеров кулак и «носило преогромные усы» (174). Таким образом, Департамент, в конечном итоге, стал местом трансгрессии в биографии Башмачкина. Его, чиновника по букве, Смерть в знак воздаяния наделила качествами Чиновника по духу.

ЛИТЕРАТУРА

- ВАЙСКОПФ, М. Я., 2002. *Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст*. Москва: РГГУ.
- ГОГОЛЬ, Н. В., 1938. Шинель. *In: ГОГОЛЬ, Н. В., 1937–1952. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3: Повести*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 139–174.
- ЛАХМАНН, Р., 2009. *Дискурсы фантастического*. Пер. с нем. Н. Борисова, Г. Потапова, Е. Аккерманн. Москва: Новое литературное обозрение.
- ЛУКИН, П. В., 2000. *Народные представления о государственной власти в России XVIII века*. Москва: Наука.
- ФУКО, М., 1996. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Сост. и пер. с фр. С. Табачниковой. Москва: Касталь.
- ФУКО, М., 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem.
- ФУКО, М., 2006. Другие пространства. *In: ФУКО, М., Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. Пер. с франц. Б. М. Скуратова; Под общ. ред. В. П. Большакова. Москва: Праксис, 191–204.
- ХАРЛАМОВ, Н., 2010. Гетеротопии: странные места в городских пространствах пост-гражданского общества. *Rec. ad: Michiel Dehaene & Lieven De Cauter, Eds. Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008. *In: ПЕТРОВСКАЯ, Е., гл. ред. Синий диван. Философско-теоретический журнал*. № 15. Москва: Три квадрата, 189–197. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/15.pdf [см. 20 02 2014]